DOI:10.19181/kongress.2020.573

Крупенкова Наталья Витальевна
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
krupenkova@list.ru

Взаимосвязь измерения и концептуализации в исследованиях социальной установки[563]

Аннотация. В статье представлены результаты анализа взаимосвязи измерения и концептуализации исследованиях социальной установки. Показано, что измерение не только отвечает изменениям в способах концептуализации социальной установки, но и играет заметную роль в становлении представлений об установке как о научном понятии.
Ключевые слова: измерение; модели измерения; концептуализация; социальная установка

Krupenkova Natalya Vitalyevna
Institute of Sociology of the
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
krupenkova@list.ru

The interrelation of measurement and conceptualization in attitude research

Abstract. The article presents the results of analysis of conceptualization's and measurement's interrelation in attitudinal researchs. It not only demonstrates how attitude conceptualization defined the ways of its measurement, but reveals the role that measurement models played in understanding of attitude concept.
Keywords: attitude measurement, attitude concept, measurement models, conceptualization

Понятие «социальная установка» используется социологами вот уже более ста лет. Дискуссия о содержании этого понятия не прекращалась на протяжении всей истории его использования. Измерение не только чутко реагировало на движения в концептуализации социальной установки, но и сыграло значительную роль в изменении представлений о ней как о научном понятии. Особенности проявления взаимосвязанности измерения и концептуализации социальной установки определили периодизацию истории её исследований.

[563] Статья подготовлена на основе диссертационного исследования [Крупенкова Н.В. Влияние моделей измерения латентных переменных на развитие концептуальных представлений о социальной установке: автореф. дисс. к.соц.н.[Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. – 2013. URL: http://www.isras.ru/publ.html?id=2763 (дата обращения:23.04.2020)].

1920–30 гг.

Как известно, в качестве специального предмета исследования социальная установка впервые появилась в 1918 г в работе У. Томаса и Ф. Знанецкого и содержательно предполагала практически *любую* тенденцию к действию [Thomas, Znaniecki, 1918]. Следствием стремительной популяризации нового понятия с неограниченным объяснительным потенциалом стала хаотичность концептуальных представлений об установке. Результатом, пожалуй, самого масштабного обобщения установочных исследований этого периода [Nelson, 1939], стал перечень из 23-х различных значений, приписываемых социальной установке, от физиологических состояний до философии жизни. Реакция на проблему неопределенности многообещающего концепта выразилась как в сдержанной констатации того, что его научный статус оказался под вопросом [Allport, 1935: 798], так и в радикальных призывах к отказу от его использования [Symonds, 1927: 201] в силу признания его полной несостоятельности [Bain, 1928: 940].

На фоне сложностей концептуализации ситуация в области измерения установок в этот период выглядит более чем благополучной. Отношение концептуального и измерительного сегментов установочной области вполне сопоставимо с таковым в области изучения интеллекта, природа которого продолжает обсуждаться, в то время как процедуры тестирования надежно заняли свое место в практике исследований. Разумеется, измерение установки имеет собственную содержательную специфику и бесспорные достижения: именно в это время рождаются классические установочные шкалы. Однако основное модельное предположение остается все тем же, заданным теорией тестов: наблюдаемое значение переменной отражает истинное её значение с поправкой на ошибку измерения. Специфичны лишь методы выведения шкального балла респондента и обеспечения надежности измерительного инструмента.

Несмотря на всю сложность концептуальных представлений о социальной установке, измерение рассматривает её как одномерную характеристику. Для разъяснения этой позиции было приложено немало усилий [Thurstone, 1931: 259]. Постулируется латентный статус установки – мнение рассматривается как вербальное выражение установки и, следовательно, как средство её измерения – её индикатор [Thurstone, 1928: 531].

Необходимость четкого понимания содержания предмета измерения для конструирования тех или иных технических средств определила заинтересованность измерения в решении концептуальной проблемы. Так, Л. Л. Терстоуном было предложено принципиально новое представление о социальной установке. Он определяет установку как «аффект», позитивный или негативный, по отношению к объекту [Thurstone, 1931: 261]. По сути, речь идет об оценочном содержании установки – целостной позитивной или негативной оценке, которая, к тому же, имеет направленность на конкретный объект. Такое понимание установки несло содержательную определенность, отвечало требованиям измерения и было

востребовано при конструировании шкал. Но оно шло вразрез с уже имеющимися, значительно более широкими представлениями об установке и просто не могло быть с готовностью принято.

Более того, терстоуновское определение ничего не говорило ни об источнике возникновения установки, ни даже о её отношении к действию, которое с момента появления этого концепта и определяло его привлекательность и которое в том или ином виде включалось в большинство его определений. Л. Л. Терстоун выносит вопрос об отношении установки к действию за границу её сущности и тем самым снимает с нее ответственность за предсказание поведения. Действие, как и мнение, – лишь показатель установки, и то, и другое может не соответствовать истинной установке [Thurstone, 1928: 532–533]. Поэтому Л. Л. Терстоун выступает с критикой идеи валидации установочной шкалы путем её соотнесения с явным поведением [Thurstone, 1960: 321]. Идеи Л. Л. Терстоуна очевидно опережают теоретическое осмысление вопроса. Вопрос о соотнесении установки и поведения практически не поднимался и не воспринимался как специальная научная проблема, угрожающая состоятельности концепта. Вероятно, именно поэтому знаменитый эксперимент Р. ЛаПьера [LaPiere, 1934] сразу после опубликования результатов не получил своего широко известного статуса парадокса и не имел того резонанса, который наблюдался впоследствии, в 60- ые годы.

В целом, концептуальные представления Л. Л. Терстоуна казались слишком радикальными, грозящими умалением научного потенциала концепта. Истинную же их ценность и дальновидность их автора обнаружила дальнейшая история развития концепта.

1940-ые – середина 50-ых гг.

В 40-ые годы измерение убеждений и установок становится «главной американской индустрией» [Krech, Crutchfield, 1948: 205]. Но результат функционирования этой «индустрии» оказывается мало связанным с ростом теоретического знания об установках. Исследования установок в это время уже не столь хаотичны, как в 20–30-ых годах, но все же не складываются в единую картину. Мотивы, эмоции, когнитивные и перцептивные процессы, убеждения, личностные черты и пр. субъективные явления (хотя их спектр и менее широк, чем раньше) оказываются составляющими установки [Krech, Crutchfield, 1948: 152]. Установка по-прежнему интересует исследователей как инструмент контроля и предсказания поведения. Но центральным вопросом отношения установки к поведению является вопрос выведения установки – гипотетического концепта – из наблюдений.

Отношения установки и наблюдаемых поведенческих реакций (индикаторов), как известно, описываются моделями измерения. Прямое назначение этих моделей – инструментальное обеспечение возможностей для получения точного знания об установке. Но специфика 40–50-ых годов определяет их роль

шире: предположения, лежащие в основании моделей измерения, оказываются непосредственно связанными со способами концептуализации установки. Это является характерной чертой этого периода.

М. Л. ДеФлер и Ф. Р. Уести [DeFleur, Westie, 1963][564] сосредоточивают внимание на логической структуре концепта и на этом основании выделяют два типа концептуальных определений, или две основные концепции установки. Одну из них называют «вероятностной концепцией», вторую – «концепцией латентного процесса». Вероятностная концепция приравнивает установку к вероятности повторения определенных форм поведения. Концепция латентного процесса предполагает, что установка – «гипотетическая» переменная, опосредующая согласованность, которую демонстрируют манифестные реакции, и выводимая из них. Отмечается, что эти концепции используются как «вспомогательные средства» для появившихся в последнее время моделей измерения. Но вся глубина проблемы концептуализации состоит как раз в том, что «основания концептов» оказываются не результатом теоретической проработки понятий, а отражением известных модельных предположений установочного измерения и, отчасти, методологии логического позитивизма.

Вероятностная концепция четко отвечает требованию наблюдаемости, предъявляемому логическим позитивизмом, и полностью соответствует содержательным предположениям шкалограммного анализа Л. Гуттмана. Он определяет установку как «ограниченную целостность поведения по отношению к чему-либо» [Guttman, 1966[1950]: 51]. Как известно, модель шкалограммного анализа позволяет измерять установки без постулирования латентного континуума, имея дело только с явными отношениями между пунктами шкалы и измеряя установку прямо через наблюдаемую реакцию на пункты [Stouffer, 1950: 6–7]. Вероятностная концепция установки эксплуатирует чисто методологические допущения, по сути, не имея собственно теоретического содержания.

Концепция латентного процесса значительно более популярна [DeFleur, Westie, 1963: 25], но не менее проблематична с точки зрения её теоретического содержания: её ядром являются предположения факторного анализа и его обобщений – многофакторного и латентно-структурного анализа. Д. Т. Кемпбел представляет определение, очевидно родственное концепции латентного процесса: «Социальная установка индивида – синдром согласованности реакций в отношении социальных объектов» [Campbell, 1950: 31]. Такое определение установки совершенно недвусмысленно отсылает к представлениям о природе латентного фактора и о локальной независимости его индикаторов: «взаимосвязь между явными данными указывает на латентную характеристику» [Lazarsfeld, 1954: 371].

[564] Критический обзор М. Л. ДеФлера и Ф. Р. Уести датирован 1963 годом, но в нем анализируется положение установки как научного концепта на основании публикаций, появившихся не позднее середины 50-ых годов.

Сформулированная как раз в это время П. Ф. Лазарсфельдом, теорема локальной независимости, как известно, является чисто статистическим предположением, необходимым для вывода латентных величин. То есть, кембелловское определение просто раскрывает представление о локальной независимости и фактически приравнивает установку к латентной переменной вообще. Концептуальное содержание не имеет значения.

При всем этом было бы неверно говорить о полном отсутствии содержательных сдвигов в теоретических представлениях об установке к середине 50-ых годов. М. Смит выделяет три основных компонента в структуре установки: аффективный – эмоциональная оценка объекта установки, когнитивный – убеждения относительно этого объекта, и конативный – «политика ориентации» действия личности [Smith, 1947]. Трехкомпонентная структура упорядочивала наблюдаемые установочные реакции и задавала рамки для их изучения, поэтому довольно скоро стала общепринятой. Она явилась первой внятной альтернативой терстоуновской концептуализации и попыткой компенсировать её «методологическую узость» [Ostrom, 1968: 16].

Однако локальные успехи в развитии структурных представлений не снимают множества принципиальных вопросов в отношении научного статуса установки в целом. Ни сущностные характеристики установки, ни её отношение к действию не известны, в логическом смысле этого понятия просто не существует [Blumer, 1955].

Середина 1950-ых – середина 70-ых гг.

Прояснение концептуального содержания установки в целом и, главным образом, её отношения к наблюдаемому поведению приобретает исключительную значимость с середины 50-х годов. Именно в это время начинает широко обсуждаться так называемый «парадокс ЛаПьера» – классическая демонстрация установочно-поведенческой несогласованности [LaPiere, 1934]. Предлагается целый ряд объяснений этому парадоксу. С позиции вклада в развитие концептуальных представлений об установке можно рассматривать два типа объяснений: 1) прямо использующие модели измерения и 2) испытывающие опосредованное влияние со стороны моделей измерения.

В первом случае можно говорить об атеоретичном подходе, механически использующем формальные модели измерения. Так, Д. Т. Кемпбел интерпретирует парадокс ЛаПьера в духе гуттмановской модели шкалирования. Он предполагает, что установка может быть связана с поведением не в корреляционном, а в кумулятивном смысле. По сути, речь идет о механическом переносе модельного представления о кумулятивности шкальных пунктов на отношение установки к поведению[565] [Campbell, 1963].

[565] Эти предположения проверялись эмпирически, но не обнаружили соответствия данным, см.[Raden, 1977].

Тот же атеоретичный подход используется при объяснении установочно-поведенческого отношения через учет влияния «других» переменных [Wicker, 1969], или через принятие постулата «условной согласованности» [Albrecht, DeFleur, Warner, 1972]. Предполагается, что теория должна принимать во внимание переменные, которые влияют на отношения установки и поведения. В этом случае объяснение заимствует логику регрессионной модели. Общеизвестно, что включение в регрессионное уравнение дополнительных независимых переменных ведет к увеличению объясненной вариации. Проблематичность такого подхода также общеизвестна: развитие этих идей ведет, все к той же «куче соломы» [Hill, 1981: 361] – накоплению множества эмпирических фактов, не связанных какой бы то ни было теоретической перспективой.

Влияние моделей измерения обнаруживается и в контексте теоретического поиска объяснения (второго типа) отношений установки и поведения. В отношении концептуализации установки, пожалуй, наиболее значимыми теориями в этот период становятся теории когнитивного соответствия, и измерение здесь играет примечательную роль. Так, Ч. Осгуд и его коллеги впервые сталкиваются с действием принципа конгруэнтности, направляющего когнитивный процесс, в связи с исследованием по установочному измерению [Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957: 187], которое основывалось на представленном ими методе семантического дифференциала. Метод, как известно, позволяет определить положение объектов в семантическом пространстве, заданном тремя факторами – силы, активности и оценки. Последний фактор идентифицируется Ч. Осгудом и его коллегами с установкой [Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957: 190], тем самым актуализируя терстоуновскую концептуализацию. Представление об установке как оценке содержится, пожалуй, в наиболее влиятельном определении этого периода, сформулированном Д. Кацем и Э. Стотлендом: «Установка – это предрасположенность индивида к оцениванию некоторого символа, объекта или аспекта его мира благоприятным или неблагоприятным образом» [Katz, 1960: 168].

Однако большинство исследователей не считают установки одномерными. Положение общепринятого занимает представление М. Смита [Smith 1947] о трехкомпонентной структуре установки. Используя возможности оценивания нового качественного параметра измерения – конструктной валидности [Campbell, Fiske, 1959], Т. М. Остром [Ostrom, 1969] показывает, что каждая из трех компонент установки обладает уникальной вариацией, не разделяемой двумя другими. Однако бескомпромиссному утверждению этой модели препятствуют высокая связанность компонент и отсутствие улучшения поведенческого прогноза при их раздельном измерении.

Совершенно иное представление о структурной организации установки было предложено М. Фишбейном (и впоследствии разрабатывалось в соавторстве с А. Айзеном). Он признает оценочную природу установки, но при этом считает её

функцией убеждений об объекте [Fishbein, 1967]. Установки формируются под влиянием убеждений (когниций) и влияют на формирование поведенческих интенций, которые и ответственны за действия, направленные на объект установки. Это представление позволило эксплицировать отношения традиционных установочных компонент и наблюдаемого поведения в одной концептуальной рамке [Fishbein, Ajzen, 1975: 15]. При этом сущностностное ядро установки сжато до единственной значимой характеристики – оценки и не предполагает какой-либо внутренней связи с поведением. В целом, можно констатировать и содержательные, и структурные отличия рассматриваемой модели от трехкомпонентной. Однако характеристикой, принципиально выделяющей концептуализацию М. Фишбейна, является явное постулирование *причинных* отношений между элементами модели.

Движение в области содержательных представлений об установочно-поведенческих отношениях в этот период дополнилось распространением революционных для измерения идей Х. М. Блейлока [Blalock, 1964] в области причинного моделирования. К середине 70-ых годов были осознанны его возможности в прояснении концептуальных представлений об установке. В частности, показана [Alwin, 1973] несостоятельность пессимистического вывода о предиктивной способности установки, основанного на бивариативных корреляционных данных (как, например, в знаменитом и влиятельном обзоре А. Уикера «Установки против действий» [Wicker, 1969]).

Середина 1970-ых – середина 90-ых гг.

Еще недавний скепсис относительно ценности установки как научного понятия, особенно в связи с сомнениями в её предиктивной валидности, примерно с середины 1970-ых годов сменяется «фазой возрастающего оптимизма» [Kraus, 1995: 61]. Исследовательский интерес от вопроса, действительно ли установки связаны с поведением, смещается к вопросу о том, каким образом они связаны.

Благодаря компьютерной революции и разработке специальных компьютерных программ существенно упрощается решение рутинных вычислительных задач. Появляются возможности практической реализации преимуществ моделирующего подхода. Примечательно, что в этих условиях весь арсенал методологических возможностей значительное время был направлен на единственную детально проработанную объяснительную модель – теорию разумного действия М. Фишбейна и А. Айзена. Она приобретает не только популярность, но и положение «доминантной» [Hill, 1981: 354]. Многочисленные исследования этой модели указывают, что предположения простой причинной структуры в значительной мере являются упрощающими. Оказывается, что поведение влияет и на интенции, и на установки и что установка все же оказывает не только косвенное (через интенции), но и прямое влияние на поведение (напр., [Bentler P.M., Speckart, 1979]). Эти факты актуализируют давний неразрешенный структурный вопрос. Появление уже упомянутых достижений

в практической реализации возможностей причинного моделирования позволяют С. Бреклеру [Breckler, 1984] представить убедительные данные по дискриминантной валидности мер когнитивного, аффективного и конативного компонентов. Главной альтернативой трехкомпонентной модели по-прежнему выступает трактовка установки как одномерной оценки, и А. Айзен [Ajzen, 1988: 20–23] продолжает выдвигать в её пользу аргументы, также подкрепленные эмпирическими данными.

Поворотным пунктом в этом противостоянии стала публикация М. Занны и Дж. Ремпеля «Установки: новый взгляд на старый концепт» [Zanna, Rempel 1988]. Ее авторы сосредоточивают основное внимание на анализе предположений, лежащих в основе *теоретических* моделей установки, и, в итоге, предлагают её реконцептуализацию. В основе новой концептуальной модели лежит все та же терстоуновская идея: установка рассматривается как «локализация объекта на оценочном измерении» [Zanna, Rempel, 1988: 319]. Содержание концепта и, следовательно, его научный статус никак не зависит от отношения к каким бы то ни было другим теоретическим понятиям. При этом убеждения, эмоции и поведение рассматриваются как концептуально независимые переменные, которые связаны с установкой причинными отношениями. Существенно, что модель не накладывает никаких ограничений на относительную значимость, степень согласованности этих переменных или их взаимное влияние. Тогда концептуальное содержание установки остается неизменным и не нуждается в пересмотре ни в модели М. Фишбейна и А. Айзена, где оценки основаны на убеждениях и оказывают влияние на интенции, ни, например, в теории самовосприятия Д. Бема [Bem, 1972], объясняющей формирование установок поведенческим опытом.

Реконцептуализация установки как оценки, причинно связанной с убеждениями, эмоциями и поведением, очевидно, не могла осуществиться до начала использования причинных моделей в области установочных исследований. При этом как нельзя лучше был продемонстрирован важнейший аспект отношения концептуализации и измерения – бесплодность применения любого, самого совершенного формального инструмента в отсутствие внимания к теоретическому анализу содержания. Новая концептуализация установки очень скоро нашла эмпирическую поддержку [Crites, Fabrigar, Petty, 1994] и, являясь решением назревших проблем, получила признание (см., напр., [Eagly, Chaiken, 1993]), а трехкомпонентная модель стала упоминаться как «ранняя».

Новые тенденции в исследованиях установки, также обнаруживающие взаимосвязанность концептуальных представлений и моделей измерения, проявились в связи с интересом все к той же предиктивной способности установки. Р. Фацио предполагает, что доступность установки из памяти является критической детерминантой инициирования установочно-поведенческой связи [Fazio, Williams, 1986: 505]. Принципиально важной чертой его концептуализации является представление о том, что доступность определяет вероятность автоматической

активации установки, без когнитивных усилий со стороны личности [Fazio, Sanbonmatsu, Powell, Kardes, 1986: 230]. В этом смысле Р. Фацио позиционирует свою точку зрения как альтернативную теории М. Фишбейна и А. Айзена, касающуюся причинных предпосылок сознательного (намеренного) поведения. С проникновением представлений о различиях в контролируемом и автоматическом процессах в область установочных исследований возник вопрос об адекватных методах измерения установки – методах, не предполагающих обращения к самоотчетам. Ответ на этот вопрос был получен благодаря успехам когнитивной психологии в изучении автоматических ассоциаций, которые вдохновили Р. Фацио и его коллег на создание специальной версии метода семантического прайминга, адаптированной под задачу измерения социальных установок – оценочного прайминга (evaluative priming) [Fazio, Sanbonmatsu, Powell, Kardes, 1986: 230]. Таким образом, новые концептуальные представления об установке и природе её связи с поведением нашли отражение в появлении нового инструмента измерения. Эти достижения определили новейшие тенденции развития в концептуализации и измерении установки.

Середина 1990-ых – 2000-ые гг.

Новый период в отношениях концептуализации и измерения установки характеризуется смещением фокуса интереса от сознательно контролируемых к автоматическим процессам. Установившийся акцент на изучении автоматических установок существенно расширяет классические представления о предметном поле социальной установки в целом.

Представление о том, что «установки репрезентируют суммарную оценку объекта» [Ajzen, 2001: 28] остается устойчивым. Изменения касаются представлений о свойствах этой оценки. Предположение Р. Фацио и его коллег об автоматической активации сильных, и потому легкодоступных из памяти установок оказывается даже недостаточно общим: обнаруживается, что автоматическая активация установки независима от её силы и происходит даже в отсутствие намерения сделать оценочное суждение [Bargh, Chartrand, 1999].

Метод оценочного прайминга не предъявляет требования интроспективного доступа респондентов к собственным установкам [Fazio, Sanbonmatsu, Powell, Kardes, 1986: 229], но в возможности такого доступа Р. Фацио и соавторы не выражают никаких сомнений. Десятилетие спустя новый, не требующий сознательной интроспекции подход к измерению установок становится источником новых представлений о характеристиках установки. Меры автоматически активируемых установок не предполагают сознательной интроспекции, и, как следствие, сами установки начинают рассматриваться как интроспективно недоступные, т.е. неосознаваемые [Greenwald, Banaji, 1995]. Несмотря на механистичность (и сомнительную обоснованность) такого переноса, очень скоро автоматически активируемые установки стали прочно идентифицироваться с неосознаваемыми

оценками. По аналогии с различением имплицитных и эксплицитных процессов памяти Э. Гринвальд и М. Банаджи вводят представление об имплицитных установках как альтернативу традиционным осознаваемым, или эксплицитным, оценкам. Для новой концептуальной единицы предлагается следующее определение: «Имплицитные установки – это интроспективно неидентифицируемые (или неточно идентифицируемые) последствия прошлого опыта, которые опосредуют благоприятные или неблагоприятные чувства, мысли или действия по отношению к социальным объектам» [Greenwald, Banaji, 1995: 8].

Отсюда возникает (и не всегда принимается критически) представление о том, что классические установочные шкалы, основанные на самоотчетах, измеряют доступные сознанию эксплицитные установки, а «новые непрямые» меры – неосознаваемые имплицитные. Вскоре и сами методы измерения, следуя той же логике, стали называться «имплицитными» и «эксплицитными». Закреплению этого представления и популярности нового концепта имплицитной установки в значительной степени способствовала разработка (также благодаря усилиям Э. Гринвальда и его коллег) нового метода измерения автоматически активируемых установок – теста имплицитных ассоциаций [Greenwald, McGhee, Schwartz, 1998], существенно упрощающий исследовательскую процедуру. В то же время активное использование новых измерительных инструментов породило новую волну дискуссии по поводу концептуализации установки: эмпирические результаты нуждаются в содержательной ясности и теоретической соотнесенности с уже имеющимся знанием об установках. Вновь актуализировалась проблема определения теоретической природы нового латентного фактора и новых границ конструктной валидности установочных измерений. Кажется парадоксальным, но спустя век после начала исследований в области социальных установок практически неизменным остается отношение проблемы измерения и проблемы концептуализации социальной установки. Названия публикаций, обнаруживая крайний консерватизм, говорят сами за себя: «Установки могут быть измерены! Но что такое установка?»[566] [Gawronski, 2007].

Библиографический список

Ajzen I. Attitudes, Personality and Behavior. Chicago: Dorsey Press, 1988. 178 P. ISBN 0–256–06936–0.

Ajzen I. Nature and operation of attitudes // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 27–58. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.27.

Albrecht S. L., DeFleur M. L., Warner L. G. Attitude-Behavior. Relationships: A Reexamination of the Postulate of Contingent Consistency // The Pacific Sociological Review. 1972. Vol. 15. № 2. P. 149–168. DOI: 10.2307/1388440.

Allport G. W. Attitudes // The Handbook of Social Psychology / Ed. by C. Murchison. Worcester: Clark University Press, 1935. P. 798–844.

[566] Название статьи обнаруживает нарочитое сходство с названиями знаменитых публикаций 20-ых годов: «Что такое установка?» [Symonds 1927] и «Установки могут быть измерены» [Thurstone 1928].

Alwin D. F. Making inferences from attitude-behavior correlations // Sociometry. 1973. Vol. 36. № 2. P. 253–278. DOI: 10.2307/2786570.

Bain R. An Attitude on Attitude Research // American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. № 6. P. 940–957. DOI: 10.1086/214598.

Bargh J. A., Chartrand T. L. The unbearable automaticity of being // American Psychologist. 1999. Vol. 54. № 7. P. 462–479. DOI: 10.1037/0003–066X.54.7.462.

Bem D. J. Self-perception Theory // Advances in Experimental Social Psychology / Ed. by L. Berkowitz. New-York: Academic Press, 1972. Vol. 6. P. 1–62. DOI: 10.1016/S0065–2601(08)60024–6.

Bentler P. M., Speckart G. Models of attitude-behavior relations // Psychological Review. 1979. Vol. 86. № 5. P. 452–464. DOI: 10.1037/0033–295X.86.5.452.

Blalock H. M., Jr. Causal Inferences in Nonexperimental Research. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1964. 200 c.

Blumer H. Attitudes and the Social Act // Social Problems. 1955. Vol. 3. № 2. P. 59–65. DOI: 10.2307/798705.

Breckler S. J. Empirical validation of affect, behavior, and cognition as distinct components of Attitude // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. Vol. 47. № 6. P. 1191–1205 DOI: 10.1037/0022–3514.47.6.1191.

Campbell D. T. Social attitudes and other acquired behavioral dispositions // Psychology: a study of a science / Ed. by S. Koch. N.Y.: McGraw-Hill, 1963. Vol. 6. P. 94–172. DOI: 10.1037/10590-003.

Campbell D. T. The Indirect Assessment of Social Attitudes // Psychological Bulletin. 1950. Vol. 47. № 1. P. 15–38. DOI: 10.1037/h0054114.

Campbell D. T., Fiske D. W. Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix // Psychological Bulletin. 1959. Vol. 56. № 2. P. 81–105. DOI: 10.1037/h0046016.

Crites S. L., Fabrigar L. R., Petty R. E. Measuring the Affective and Cognitive Properties of Attitudes: Conceptual and Methodological Issues // Personality and Social Psychology Bulletin. 1994. Vol. 20. № 6. P. 619–634. DOI: 10.1177/0146167294206001.

DeFleur M. L., Westie F. R. Attitude as a Scientific Concept // Social Forces. 1963. Vol. 42. № 1. P. 17–31. DOI: 10.2307/2574941.

Eagly A. H., Chaiken S. The Psychology of Attitudes. Fort Worth, TX: Harcourt, Brace & Jovanovich, 1993. 794p. ISBN 0155000977.

Fazio R. H., Sanbonmatsu D. M., Powell M. C., Kardes F. R. On the automatic activation of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50. № 2. P. 229–238. DOI: 10.1037/0022–3514.50.2.229.

Fazio R. H., Williams C. J. Attitude accessibility as a moderator of the attitude-perception and attitude-behavior relations: An investigation of the 1984 presidential election // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51. № 3. P. 505–514. DOI: 10.1037/0022–3514.51.3.505.

Fishbein M. A consideration of beliefs and their role in attitude measurement // Readings in attitude theory and measurement / Ed. by M. Fishbein. N.Y.: Wiley, 1967. P. 257- 266.

Fishbein M., Ajzen I. Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley, 1975. 580 p. ISBN: 978–0201020892.

Gawronski B. Attitudes can be measured! But what is an attitude? // Social Cognition. 2007. Vol. 25. № 5. P. 573–581. DOI: 10.1521/soco.2007.25.5.573.

Greenwald A. G., Banaji M. R. Implicit social cognition: Attitudes, Self-Esteem, and Stereotypes // Psychological review. 1995. Vol. 102. № 1. P. 4–27. DOI: 10.1037/0033- 295X.102.1.4.

Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. Vol. 74. № 6. P. 1464–1480. DOI: 10.1037/0022–3514.74.6.1464.

Guttman L. The Problem of Attitude and Opinion Measurement // Measurement and Prediction / Ed. by S. A. Stauffer et. al. N.Y.: John Wiley & Sons, 1966 [1950]. Vol. 4. P. 46- 59.

Hill R. J. Attitudes and behaviors // Social Psychology: Sociological Perspective / Ed. by M. Rosenberg & R. H. Turner. New York: Basic Books, 1981. P. 347–377. DOI: 10.4324/9781315129723–12.

Katz D. The functional approach to the study of attitudes // Public Opinion Quarterly. 1960. Vol. 24. № 2. P. 163–204. DOI: 10.1086/266945.

Kraus S. J. Attitudes and the prediction of behavior: A meta-analysis of the empirical literature // Personality and Social Psychology Bulletin. 1995. Vol. 21. № 1. P. 58–75. DOI: 10.1177%2F0146167295211007.

Krech D., Crutchfield R. S. Theory and problems of Social Psyhology. N.Y.: McGrow-Hill Book Co., 1948. 639 P DOI: 10.1037/10024–000.

LaPiere R. T. Attitudes versus Actions // Social Forces. 1934. Vol. 13. № 2. P. 230- 237. DOI: 10.2307/2570339.

Lazarsfeld P. F. Introduction: Mathematical Thinking in the Social Sciences // Mathematical Thinking in the Social Sciences / Ed. by P. F. Lazarsfeld. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1954. P. 3–17.

Nelson E. Attitudes: I. Their Nature and Development; II. Social Attitudes; III. Their Measurement // Journal of General Psychology. 1939. Vol. 21. № 2. P. 367–436. DOI: 10.1080/00221309.1939.10544304.

Osgood Ch. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. The Measurement of Meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1957. 346 P. ISBN 0–252–74539–6.

Ostrom T. M. The Emergence of Attitude Theory: 1930–1950 // Psychological foundations of attitudes / Ed by A. G. Greenwald, T. C. Brock, T. M. Ostrom. N.Y. – London: Academic Press, 1968. P. 1–32. DOI: 10.1016/B978–1–4832–3071- 9.50007- 6.

Ostrom T. M. The relationship between the affective, behavioral, and cognitive components of attitudes // Journal of Experimental Social Psychology. 1969. Vol. 5. № 1. P. 12–30. DOI: 10.1016/0022–1031(69)90003–1.

Raden D. Situational thresholds and attitude-behavior consistency // Sociometry. 1977. Vol. 40. № 2. P. 123–129. DOI: 10.2307/3033515.

Smith M. B. The Personal Setting of Public Opinions: A Study of Attitudes Toward Russian Federation // Public Opinion Quarterly. 1947. Vol. 11. № 4. P. 507–523. DOI: 10.1086/265884.

Stouffer S. A. An Overview of the Contributions to Scaling and Scale Theory // Measurement and Prediction / Ed. by S. A. Stauffer et. al. N.Y.: John Wiley & Sons, 1966 [1950]. Vol. 4. P. 3–46. DOI: 10.4324/9781315128948–15.

Symonds P. M. What Is an Attitude? // Psychological Bulletin. 1927. Vol. 24. № 3. P. 200–201.

Thomas W. I., Znaniecki F. E. The Polish Peasant in Europe and America. Vol.1. Boston: The Gorham Press, 1918. 310 p.

Thurstone L. L. Attitudes Can Be Measured // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. № 4. P. 529–554. DOI: 10.1086/214483.

Thurstone L. L. The Measurement of Social Attitudes // The Journal of Abnormal and Social Psychology. 1931. Vol. 26. № 3. P. 249–269. DOI: 10.1037/h0070363.

Thurstone L. L. The Measurement of Values. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1960. 322 p. ISBN 978–0–226–80114–8.

Wicker A. W. Attitudes versus Actions: The Relationship of Verbal and Overt Behavioral Responses to Attitude Objects // Journal of Social Issues. 1969. Vol. 25. № 4. P. 41–79. DOI: 10.1111/j.1540–4560.1969.tb00619.x.

Zanna M. P., Rempel J. K. Attitudes: A new look at an old concept // The social psychology of knowledge / Ed. by D. Bar-Tal & A. W. Kruglanski. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. P. 315–334.